

Шао Цихань действительно проявил невероятную активность. Ловко изменив текст, он сохранил общий смысл, но каждое слово, каждый вздох и улыбка создавали ощущение, что Золушка активно добивается Ариэль. Мужун Цзю, испытывая смесь смущения и забавы, продолжал играть свою роль, и к концу даже сам начал изображать слабость.

Если Шао Цихань хотел так играть, то почему бы Мужун Цзю не поддержать его в этом?

Пусть это будет утешением за все те удары, которые Шао Цихань пережил в последние дни.

Благодаря их многолетнему взаимопониманию, спектакль шёл гладко. Если бы кто-то другой оказался на их месте, всё могло бы закончиться провалом.

Су Мо, стоя за кулисами и слушая их диалоги, сначала злилась и топала ногами, но к концу успокоилась. Хотя актёры вышли из-под её контроля и начали импровизировать, это не повлияло на общий ход спектакля. Более того, они играли так хорошо, что никто не смог бы догадаться, что это была импровизация.

Однако Су Мо решила, что по окончании спектакля она обязательно устроит Шао Циханю серьёзный разговор.

Самовольство! Чистая самонадеянность!

Он словно бросил её труды в огонь! Даже если ничего не сгорело, это всё равно неправильно!

Под скрежет зубов Су Мо, восторженные возгласы Бай Сяоси и удивлённые комментарии Су Хуай Золушка толкнула Ариэль!

— Золушка, моя дорогая подруга, как я буду жить без тебя? Золотая стрела Купидона пронзила моё сердце, Золушка...

— Нет! Не говори! — Шао Цихань резко прервал шёпот Мужун Цзю, прижав его к раковине-трону. Встав на одно колено, как рыцарь перед своей госпожой, он произнёс клятву любви:

— Моя дорогая Ариэль, твоя красота сияет, как богиня, твой голос, подобный чистейшему роднику, заставляет меня забыть все печали. Ты не можешь жить без меня, но разве могу я жить без тебя? Я не знаю, что между нами — чистая дружба или святая любовь? Я сомневаюсь, я колеблюсь, и втайне от тебя я плачу над этим глупым вопросом. Если это любовь, то как мы, две женщины, можем любить друг друга? Если это дружба, то какая ещё пара друзей так привязана друг к другу, как мы? Ариэль! Я не могу сдерживать свои чувства, но я не знаю, как долго я останусь в этом чудесном мире, сколько времени у нас есть. Это иллюзия или реальность? Сон или явь? Ариэль, я люблю тебя, я люблю тебя!

Мужун Цзю смотрел на Шао Циханя, замороженный его выражением лица, смесью боли и удовольствия, его влажными глазами и дрожащими губами.

Он наклонился, нежно вытирая слёзы Шао Циханя, и услышал, как его собственный голос, полный нежности, произносит:

— Золушка, моя глупышка, разве ты не слышала моих слов? Тогда я повторю их снова — я поражена золотой стрелой Купидона, я вижу тебя, моя дорогая Золушка, я люблю тебя, я тоже люблю тебя!

В этот момент Мужун Цзю словно вышел из своего тела. Он парил в воздухе, глядя на двоих на сцене, его разум был в хаосе, и только слова Шао Циханя продолжали звучать в его голове.

— Я не знаю, что между нами — чистая дружба или святая любовь? Если это любовь, то как мы, две женщины, можем любить друг друга? Если это дружба, то какая ещё пара друзей так привязана друг к другу, как мы?

Шао Цихань лежал на полу, прислушиваясь к звукам в темноте. Он слышал шаги, шум передвигаемых предметов. Он знал, что работники сцены должны быстро убрать декорации и подготовить сцену для следующей сцены, а он, как актёр, должен оставаться на сцене.

Что-то казалось странным.

Его сердце билось чаще, дыхание стало учащённым. Он поднял голову и увидел, что Мужун Цзю неподвижно сидит на раковине-троне.

— Сэмпай? Сэмпай? — тихо позвал его парень, стоявший рядом с раковиной, готовясь убрать этот тяжёлый реквизит.

Мужун Цзю вздрогнул, словно его разбудили, и быстро встал, извиняясь:

— Простите, что побеспокоил вас.

Сказав это, он взглянул на Шао Циханя и, подняв юбку, ушёл.

Даже приспособившись к темноте, Шао Цихань не смог разглядеть выражение лица Мужун Цзю, но в мгновенном взгляде он увидел его глаза.

Эти глаза светились зловещим блеском, заставляя Шао Циханя думать, что его друг — не чистая и добрая Ариэль, а ужасный демон, вырвавшийся из преисподней.

Шао Цихань лежал на полу, его конечности были холодны, но в его сердце бушевала тайная страсть. Это необъяснимое и сильное желание заставляло его хотеть закричать, сорвать с себя одежду и обнажить свою душу, вырвать своё бьющееся сердце.

Он почти сделал это, но внезапно его ослепил яркий свет.

Прикрыв глаза, он огляделся, словно его окатили ледяной водой, и окончательно пришёл в себя.

— Неужели всё это был сон? — в голосе Шао Циханя всё ещё звучали растерянность и сомнение, но постепенно они сменились болью.

Конечно, это был сон. Шао Цихань усмехнулся.

Даже если слова были его собственными, это всё равно была всего лишь пьеса.

Пьеса закончилась. Золушка осталась в сказках Гримм, а Ариэль — в сказках Андерсена. Он и Мужун Цзю — не лесбиянки.

Они братья. Были, есть и всегда будут.

Шао Цихань, чего ты ещё ждёшь?

— Такой прекрасный сон больше никогда не повторится — моя Ариэль, моя любовь... — Шао Цихань с грохотом упал на пол, крича изо всех сил. Он швырнул тряпку из корзины в сторону, рыдая от боли.

Внезапно он схватился за живот, и его лицо, залитое слезами, озарилось почти безумной радостью. Он рыдал, но в его дрожащем голосе звучала безграничная радость.

— Мой живот... мой живот! Я чувствую пульсацию жизни, силу, которая связана со мной. Но я ведь девственница... Неужели это подарок небес, надежда, которую Ариэль доверила мне?

— Да, Золушка, да! — Су Мо с серебряным волшебным жезлом в руке вышла на центр сцены, и луч света последовал за ней.

— Я и не думала, что произойдёт нечто столь чудесное. Твоя любовь к дочери моря Ариэль тронула богов. Не бойся, моя дорогая, ребёнок в твоём чреве — это плод вашей любви. Это называется «зачатие от небесного благословения»!

Су Мо улыбалась с материнской и святой нежностью, но, когда она увидела лицо Шао Циханя, её охватил ужас.

Какое это было выражение! Полное безумной надежды, словно он и правда был Золушкой, глубоко влюблённой в Ариэль!

Су Мо с трудом сдержала своё изумление, стараясь вырваться из его ауры.

Она поняла: Шао Цихань вошёл в роль!

С включением всех сценических огней красный занавес медленно открылся.

Весь актёрский состав спектакля стоял на сцене, кланяясь зрителям.

Шао Цичжай аплодировал, спокойно наблюдая за пятёркой в центре.

Король Бай Сяоси, с румянцем на щеках, размахивал золотым скипетром. Су Мо, сохраняя спокойствие, носила корону, принадлежавшую Бай Сяоси, и была одета в роскошные одежды. Су Хуай, элегантная и очаровательная, могла бы сразить наповал любого в своём мужском наряде. А в самом центре стояли Шао Цихань и Мужун Цзю, оба невероятно спокойные, почти безэмоциональные.

Это был поистине великолепный спектакль, не уступающий игре профессиональных актёров.

<http://bllate.org/book/15114/1335652>